

"Что скажешь? Серп и два кната, и я покажу тебе лучшее время, чем ты можешь себе представить здесь".

Нарцисса Малфой абсолютно ненавидела слова, слетающие с ее губ, но именно к этому сводилась ее жизнь. То, что она ненавидела свой образ жизни, было само собой разумеющимся. Обнищавшая из-за министерства, с пожизненным заключением мужа в Азкабана и брошенная сыном, она не могла опуститься в обществе намного ниже, чем стать шлюхой в Лютом переулке. Но она была Блэк и Малфоем, и хотя имя Малфой высмеивалось и презиралось по всей магической Британии, Блэк никогда не сдавался, никогда не пасовал перед обстоятельствами, в которых они оказались. Они работали и боролись, чтобы изменить эти обстоятельства в свою пользу, чтобы отомстить тем, кто в первую очередь поставил их в эти обстоятельства. И она отомстит; она поклялась себе в этом... всем им.

Она нежно провела тыльной стороной среднего пальца по линии подбородка своего следующего потенциального источника дохода и сказала своим самым страстным голосом, который намекал на предстоящие удовольствия. "Я сделаю так, что это будет стоить вашего времени".

Рука, одетая в мягкую темно-серую перчатку, промелькнула перед ее глазами, за ней последовала рука в темно-сером рукаве, но что привлекло ее внимание, так это блеск золотого галеона, зажатого между пальцами этой перчатки, и ее глаза проследили за ним, когда он был прижат к верхней части из бара.

"Это, - раздался скрипучий, мягкий голос, - значит поговорить. Это на следующую ночь - если хочешь".

Ее взгляд вернулся к другой руке в перчатке, на указательном пальце которой болталась маленькая темно-серая сумочка. Маленький, но полный, и если бы он был полон галеонов, а она полагала, что это было основано на размере круга, вдавленного в его бок, то она не заработала бы столько денег за месяц работы в баре в переулке.

Но ее внимание привлекло лицо за кошельком, полным монет. Или, скорее, отсутствие лица. Под капюшоном темно-серого плаща, окружавшего то место, где должно было быть лицо, не было глаз. Не было видно ни носа, ни рта, ни подбородка, ни скул, только темно-серое ничто, от которого у нее мороз по коже. Она знала, кто это, эта загадка Лютого переулка, и это знание заставило ее заколебаться.

Человек-тень.

В первый раз, когда она услышала его имя, она рассмеялась. Это было слишком мелодраматично. Кто-то, кто наряжался, накладывал на себя чары и крался в темноте, терроризируя злодеев? Но ее мысли изменились, когда она узнала о нем больше. Одетый в плащ и безликий, он появился в Переулке незадолго до того, как она сама поселилась там. Но, в отличие от нее, он там не жил; он просто наводил ужас на некоторых других его обитателей. Ходили слухи, что он был непобедимым бойцом, мог делать вещи, которые не могла объяснить даже магия, и его нельзя было найти, проследить или предвидеть. Никто не знал, кто он такой, чем занимается, откуда он взялся и куда направился. Но люди исчезали, когда он появлялся, их находили избитыми и окровавленными или просто перепуганными до полусмерти. Ходили слухи, что были те, с кем он вел дела, но никто из тех, о ком она слышала, никогда бы в этом не признался.

Были и другие истории. Одна из других девушек сказала ей, что им нечего его бояться. Они

занимались своим ремеслом, зарабатывали на жизнь как могли, и никто из них, как известно, даже не разговаривал с ним.

До сегодняшнего вечера. Она не была уверена, что хочет быть первой, но ее предполагаемая цель тихо соскользнула со своего стула и отошла подальше от них двоих, когда он направился к другому концу бара, где нервные глаза пытались наблюдать, одновременно делая вид, что не наблюдают.

Безликость гламура заставила ее насторожиться, цвет его одежды заставлял его казаться частью теней бара, как будто если бы он отступил в них, то исчез бы из поля зрения и из существования.

Рука с кошельком шевельнулась, кладя его на стойку рядом с уже лежащей там монетой. Она проследила за его перемещением, затем снова посмотрела на это не-лицо и приняла решение. В его голосе не было угрозы, никаких угрожающих движений, никакого ощущения опасности, просто простое заявление. Она потянулась за сумочкой, но его рука снова шевельнулась и накрыла ее.

"После поговорим". Прозвучал этот мягкий, странно скрипучий голос.

Она снова посмотрела на его не-лицо, слегка сбита с толку. Она очень хорошо научилась читать лица, их едва уловимые выражения, мелкие морщинки и глаза. Особенно глаза. Она могла многое сказать, глядя кому-то в глаза. Невозможность разглядеть его лицо сквозь чары лишила ее очень важного инструмента. Но на этот раз ей придется обойтись без него. "Очень хорошо". Сказала она, меняя движение руки на монету, которую она не держала в руках уже несколько лет. Она совсем забыла, сколько весит один из них. - Где мы поговорим?

Кивком головы он указал на столик в дальнем конце зала... в темном углу. Ей это не особенно понравилось, но, по крайней мере, он не хотел покидать бар. Она последовала за ним к столику, где он удивил ее, выдвинув для нее стул. Джентльмен в таком месте, как это? Неужели чудеса никогда не прекратятся? Только когда он усаживался, она поняла, что из-за того, что он выбрал ее стул, она оказалась спиной к комнате, в то время как ему открывался вид на все помещение. Она не слишком волновалась, ее здесь знали, и Сьюзи, другая девушка, работающая в противоположном конце бара, поддержала бы ее. Так было с проститутками Лютого переулка. Если только она не забудет гол.

Но она справится с этим, если и когда ей понадобится. Точно так же она прижала правое предплечье к подлокотнику своего кресла, чтобы убедиться, что ее палочка была там, готовая в любой момент, если она ей понадобится. На всякий случай.

А затем мужчина по другую сторону стола почти вяло махнул рукой, и волосы у нее на затылке встали дыбом, когда она почувствовала, как вокруг них поднимаются чары уединения и "не обращай на меня внимания"; мощные чары без волшебной палочки. Она не смогла удержаться от легкого подергивания. Кем бы он ни был, он был могущественным волшебником, и она внезапно занервничала гораздо больше, чем ей хотелось бы. Чего он от нее хотел?

Ответом ему был тихий смешок. "Я не хочу, чтобы наш разговор стал предметом сплетен в переулке. Вы вольны уйти, когда пожелаете".

Она задавалась вопросом, действительно ли это был его голос, или он очаровал и его тоже. Не то чтобы это имело значение. Хотя она не спешила заканчивать с ним, в конце концов, этот галеон был больше, чем она заработала бы за всю ночь, ей все же было любопытно, почему они

здесь. "Вы заплатили за беседу, о чем бы вы хотели поговорить?"

"У меня есть к тебе предложение".

"Это само собой разумеется". Она ответила с легкой улыбкой. "В конце концов, это то, ради чего я здесь".

"Я хочу, чтобы ты была моей женщиной".

Слова, сказанные в спокойной и откровенной манере, совершенно ошеломили ее. Кто он такой, чтобы говорить ей такое? Всему волшебному миру было хорошо известно, где она находится и что она собой представляет. У нее больше не было никакой власти в этом мире, будь то политическая, финансовая или даже семейная, чтобы оказать кому-либо какую-либо помощь. Для всех, кого она знала, она была предметом презрения, на нее смотрели свысока, унижали и, что хуже всего, игнорировали. Так почему же этот темный, загадочный... человек хотел, чтобы она стала его женщиной? Да, она все еще была красива, но ее чистоплотность была больше обусловлена заклинанием очищения, чем водой и мылом, ее косметика была самой дешевой, какую она могла найти, некоторые из ее нарядов были в таком состоянии, что даже репаро не могло помочь, и ей пришлось подстричь свои длинные волосы, чтобы они были выше плеч. плечики, чтобы их было легче содержать в чистоте. Так что, несмотря на ее красоту, на выбор были другие, более привлекательные женщины. Мерлин, она могла бы назвать нескольких знакомых проституток, которые выглядели лучше, чем она сейчас! Так почему же она?

Если только это не было из-за того, кем она была, Нарцисса Малфой. Она знала, что многие люди пострадали от Малфоев за эти годы, некоторые довольно сильно. Для многих людей обида на то, что ее мужу Люциусу удалось избежать Азкабана после первой войны волшебников в далеком 81-м, была очень глубокой. Его высокомерие, почти вопиющая коррумпированность министерства, закулисные сделки и просто фанатичное отношение к любому или чему-либо, что он считал ниже себя, а это были почти все и вся, нажили ему еще больше врагов. Был ли этот человек кем-то, кто имел на него зуб, или агентом кого-то, кто имел, и собирался выместить это на ней, потому что не мог отомстить ее мужу теперь, когда он был в Азкабана? Если бы она приняла его предложение, она бы просто исчезла, как это сделали несколько человек?

"Почему я?" Она спросила.

Вместо ответа он заговорил так, словно она этого не делала. "Я буду платить тебе 20 000 галеонов в год, включая остальную часть этого, выплачиваемую первого числа каждого года, в твоё собственное хранилище, а не в хранилище Малфоя, куда только ты можешь добраться".

Она знала, что должна выглядеть нелепо с таким открытым ртом, но ничего не могла с собой поделать. Она не могла поверить в то, что он говорил, даже когда в ее голове начали проноситься варианты того, что она могла бы сделать с такой суммой денег.

Однако он не закончил. "Кроме того, у тебя будет своя комната, куда я никогда не войду без твоего прямого разрешения, и пять дней каждого месяца, в дополнение к тем дням, когда мать-природа навещает тебя, когда ты можешь сказать мне "нет" вообще без каких-либо последствий. Взамен я прошу только, чтобы, когда мы будем вместе, ты полностью контролировала меня и подчинялась тому, что я тебе говорю. - Он пожал плечами. "Однако я признаю, что могут быть некоторые мероприятия, в которых ты не захочешь участвовать. В этом случае мы обсудим ваши чувства и примем решение о том, продолжать или нет".

Она была в шоке, не в состоянии по-настоящему понять, что он говорит, пока он не сказал: "Ты

даешь мне полный контроль и подчиняешься мне". Мысли о больших суммах денег, а 20 000 были большой суммой, заставили ее задуматься о значении этой фразы. - Ты хочешь, чтобы я была для тебя чем-то вроде сексуальной рабыни. - Ее тон был холодным, в нем сквозил намек на неудовольствие.

Он снова пожал плечами. "Если ты хочешь думать об этом таким образом, но только во время любых сексуальных действий, за которые я буду тебе платить. В остальное время ты будешь свободна заниматься любыми проектами или деятельностью, которые могут тебя заинтересовать. В конце концов, разве это не то, кто ты есть, и чем ты сейчас занимаешься?"

Она откинулась на спинку стула, размышляя над логикой этого. В некотором смысле, он был прав; как бы ей ни было неприятно это признавать, она должна была учитывать пожелания своих клиентов, делать то, что они хотели. Но, по крайней мере, у нее был контроль. "Так вы говорите, но здесь я могу уйти в любое время, когда захочу".

"Как ты мог бы со мной; я не буду заставлять тебя делать то, чего ты не хочешь". Он ответил. "Собирайся, забирай вещи и уезжай в любое удобное для тебя время, никаких принуждений оставаться не будет. Ты даже можешь взять с собой все свои вещи, а также любые деньги и подарки, которые я мог бы тебе подарить. Это твой выбор."

Она поняла, что снова разинула рот от того, что он только что сказал, и закрыла рот. "В любое время, когда я захочу?"

"В любое время, когда ты захочешь". Он склонил голову набок, словно удивленный моим недоверием.

Она должна была быть в этом уверена. "Итак, если вы положите деньги в мой сейф первого января, я смогу уехать второго? С деньгами, без вопросов?"

"да."

Она сидела, уставившись на него, пытаясь понять, зачем он это делает. Должна была быть какая-то причина, по которой он говорил то, что он был, делал то, что он был, но она не могла этого понять. Должен был быть подвох, что-то, что могло заманить ее в ловушку, удержать от того, чтобы она сделала именно то, что только что сказала. Он не мог быть таким великодушным. Итак, она задала вопрос. "почему?"

"Потому что у меня есть планы, и ты - большая их часть, но только как добровольный участник. Я могу быть уверен, что ты останешься, только если ты абсолютно уверен, что можешь уйти в любое время. Я не могу заставить тебя участвовать в них, потому что они бы не сработали, если бы я это сделал".

"Что заставляет тебя думать, что я вообще захотел бы участвовать в каких-либо планах, которые у тебя были?" Она начала задумываться, не стоит ли ей уйти прямо сейчас, настолько высок был уровень ее замешательства. Ей это не нравилось, и это начало проявляться в тоне ее голоса.

"Потому что я могу дать тебе то, чего ты хочешь, чего никто другой не может или не захочет".

"Что это?"

"Где ты, Нарцисса Малфой?" Спросил он, в очередной раз избегая ее вопросов.

Она презрительно фыркнула. "Это должно быть очевидно". Она ответила.

"почему?"

Вопрос застал ее врасплох. Разве он не знал, почему она здесь? Все остальные знали. "Почему что?"

"Почему ты здесь?"

"Зачем еще я должен был быть здесь?" Я на мели, едва сводю концы с концами, мой муж в тюрьме, мой сын бросил меня, а я бездомная, и мне больше некуда пойти. Где еще я могла быть?" Серdito спросила она.

"Но почему ты здесь?"

"Я только что сказала тебе!" Горячо ответила она, наклоняясь к нему через стол, поскольку ее гнев на его тупость возрастал.

"Но, несомненно, у леди Малфой есть друзья, которые помогли бы ей в трудную минуту, были бы рядом, чтобы протянуть руку помощи и приютить ее".

Она могла слышать ухмылку, которая, должно быть, скрывалась за этим очарованием, когда он говорил о ее проблемах. "Да, точно". Она откинулась на спинку сиденья так сильно, что подумала, что оно рухнет под ней. "Этой стае гиен не терпелось наброситься на тушу дома Малфоев". Сказала она, вспоминая тот период своей жизни, который предпочла забыть. "От них не было никакой помощи. Я практически умолял некоторых из них взять Драко и меня....."

Ее голова резко поднялась, спина выпрямилась, глаза сузились, когда она настороженно посмотрела на него, наконец осознав, что он предлагает. "Месть". Заявила она низким, жестким тоном, все еще пристально наблюдая за ним.

- Я всегда думал, что ты самый умный в этой семье. Он сказал. И снова ей показалось, что она расслышала в его голосе какое-то выражение, на этот раз лукавую улыбку. Но его замечание заинтриговало ее. Они были знакомы раньше или он просто узнал о ней? Она отложила эту мысль на потом, когда он продолжил. "Люциус был хитрым и умным, но его планы имели обыкновение идти наперекосяк. Драко почти никогда не думал дальше момента, если только он что-то не планировал, и его планы были еще хуже, чем у его отца. Почему шляпа отправила его в Слизерин, было выше понимания. Они оба были слишком заинтересованы в том, чтобы быть в центре внимания, чтобы думать о последствиях своих действий, если их планы провалятся".

"Вы, однако, были очень осторожны, стараясь держаться подальше от глаз общественности, если только это не было связано с вашими планами. Балы, собрания, функции министерства - вот вы были в центре внимания во всей своей красе. Но я думаю, это было больше для того, чтобы замаскировать и отвлечь внимание людей от того, что делал Люциус, чем просто привлечь к тебе внимание. Ты мог бы быть самым Слизерином. Скажите мне, леди Малфой, сколько из действий вашего мужа по разращению министерства до такой степени, как он это сделал, были его идеями, а сколько - вашими?"

Этот вопрос потряс ее. Идеи принадлежали ее мужу, но она помогала со многими из них, доводя их до совершенства, улучшая, как правило, делая их проще и гораздо менее подверженными провалу. Это было больше для того, чтобы уберечь Люциуса от неприятностей, чем для того, чтобы помочь ему подкупить министерство, потому что, помоги ему Мерлин, он

был великим человеком, и несколько его планов чуть не привели его в Азкабан, когда они сработали не так, как планировалось.

Но никто никогда раньше не посвящал ее в свои планы. Что этот человек многое рассказал ей о нем. Наряду с тем, что она уже знала, по общему признанию, немногое, теперь она могла добавить: очень умный и проницательный.

И гораздо более опасный.

"Кто вы?" - осторожно спросила она, отодвигаясь, чтобы в любой момент достать свою палочку. "И почему в ваших планах участвую я?"

"Иногда слишком много знаний - это нехорошо. Это может быть даже опасно. Эти планы - такие знания. Это, - палец в перчатке щелкнул по кошельку с деньгами, - оплачивает сегодняшний вечер, скажем, до окончания завтрака? Тогда решай, присоединишься ли ты ко мне. В конце концов, условия очень щедрые."

Взмах запястья, и палочка оказалась у нее в руке, направленная прямо на него, когда она встала и попятилась от стола. Но она все еще была за пределами защитных чар, которые он наложил вокруг них. Насколько же он был силен? "Я никуда с тобой не пойду!" Воскликнула она тихим опасным тоном, давая ему понять, что произойдет, если он попытается овладеть ею. "Я не знаю, кто ты, но я слишком много слышала о тебе, и твой интерес ко мне слишком опасен, на мой взгляд".

"Я даю тебе слово, что с тобой не случится ничего, кроме того, что я сказал. Разве это, деньги и шанс выбраться из этого места, хотя бы на ночь, того не стоят? Чистые простыни, теплая постель, еда, за которую не нужно платить, настоящая ванна, чистая одежда и роскошь не спать с открытыми глазами на случай, если кому-то здесь придет в голову попытаться забрать то, что вам нужно продать, чтобы выжить? И давай не будем забывать, что сегодня вечером тебе нужно убажить только одного мужчину."

Она выслушала его аргументы, признав, что они были хорошими и, о, такими заманчивыми, но что хорошего было бы в этих вещах, если бы ее не было в живых, чтобы насладиться ими? Или еще хуже. "Нет, и ты ничего не можешь сказать, чтобы заставить меня передумать".

Он смотрел на нее несколько секунд, затем наклонился вперед, положил предплечья на стол ладонями вниз и что-то сказал низким, почти шепотом, мягким тоном, который сделал именно это. "Драко жив?" За этими словами последовал почти незаметный кивок.

Она стояла ошеломленная, ее рука и палочка упали, широко раскрыв глаза. Это было невозможно! Она никогда никому не рассказывала об этих словах! Она упала в кресло, ее ноги ослабли и больше не могли ее держать. Этого не может быть! Он пропал; он пропал почти четыре года назад!

Не задумываясь, она потянулась через стол и откинула капюшон, скрывающий его лицо, очарование исчезло, когда она это сделала, и она обнаружила, что смотрит в глаза единственного человека на свете, который, возможно, мог знать, что она сказала, что она сделала в ту темную, ужасную ночь пять лет назад.

Глубокие изумрудно-зеленые глаза.

"Поттер".

<http://erolate.com/book/4131/120063>